

Акад. А. И. Тюменев

ИМЕЛ ЛИ ТЕРМИН «ГУРУШ» («КАЛЬ») СОЦИАЛЬНУЮ ЗНАЧИМОСТЬ?

(По поводу статьи И. М. Дьяконова в ВДИ, 1948, № 1)

В «Вестнике древней истории» (1948, № 1) помещена заметка проф. И. М. Дьяконова «Еще раз о термине «гуруш» («каль») в шумерском языке», посвященная той же теме, как и моя статья в № 2 того же журнала за 1946 г. Соглашаясь с тем, что термин «гуруш» не служил для обозначения рабства, проф. И. М. Дьяконов в то же время вообще отказывается признавать за ним какую-либо социальную значимость. С таким отрицанием всякой социальной значимости за термином «гуруш» («каль») я, признавая специальный авторитет проф. И. М. Дьяконова в области ассириологии, все же не считаю возможным согласиться. Вопрос этот не может быть разрешен простой справкой словарного характера, какую дает в своей заметке проф. И. М. Дьяконов. Конечно, если подходить к вопросу с чисто лексикологической точки зрения, иного значения кроме значения «взрослый», «сильный» термину «гуруш» приписать нельзя (даже значения «боец», «работник» являются не непосредственными, а производными). Однако такой чисто лексикологический подход к вопросу в данном случае недостаточен. Ведь позволительно подойти к вопросу и с исторической точки зрения и попытаться установить, кто же были те «взрослые» или «сильные», которые постоянно фигурируют в хозяйственных документах эпохи третьей династии Ура, какие общественные слои скрывались под этим неопределенным обозначением¹. Для решения этого вопроса представляется необходимым попытаться выявить первоначальное, исконное применение термина и затем проследить, как и в какой мере в дальнейшем изменялось это первоначальное значение².

¹ Здесь я должен устранить еще одно недоразумение. Проф. И. М. Дьяконов находит, что термин «гуруш» сам по себе не раскрывает социального положения непосредственного производителя: если он работал в течение круглого года, он—раб; если только часть года,—не раб. Для меня вопрос стоит совершенно иначе. Данные хозяйственных документов с несомненностью показывают, что гуруш, как правило, заняты были в течение всего года (см. статью акад. В. В. Струве, «Общественный строй южного Междуречья в эпоху третьей династии Ура, «Юбилейный сборник, посвященный тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции», изд. Академии Наук СССР, М., 1947, II, стр. 720—748, и более ранние работы его на ту же тему). Вопрос, таким образом, стоит не о степени занятости гуруш, а об их происхождении: рекрутировались они из среды местного населения или же были рабами-военнопленными. Именно местное население я и имел в виду, когда говорил в своей статье об «общинниках» в значении членов данной городской общины в целом. Членами собственно земледельческих общин гуруш эпохи третьей династии Ура не могли быть уже по одному тому, что они заняты были в течение всего года в государственном хозяйстве.

² Скептицизм акад. В. В. Струве в отношении метода исследования путем толкования термина «гуруш» (названная статья, стр. 725—726) я никак не могу признать оправданным. В подтверждение такого скептицизма акад. Струве приводит пример

Именно эту задачу я и ставил себе в своей статье. Если я возводил при этом возникновение термина «гуруш» («каль») к стадии деления родоплеменной общины на возрастные классы и видел в гуруш класс взрослых мужчин—членов общин, это отнюдь не равносильно признанию того, что и самый термин «гуруш» означал собственно общинника, члена общины вообще. Такое значение термин «гуруш» так же мало должен был иметь, как и термины, обозначающие другие возрастные группы: «отцы»—старейшины («абба»), «сыновья»—дети («думу»). В таком именно значении, в значении «взрослых» членов общины (хотя, конечно, совершенно уже изменившей свой характер по сравнению с эпохой существования возрастных классов), применяется термин «гуруш» в относящихся к древнейшей эпохе документах из Шуруппака¹. Хотя в документах Лагаша времени Лугальанды и Урукагины собственно термин «гуруш» и не встречается и заменяется другим термином—«шублугаль», однако люди, обозначаемые этим термином, находятся в положении, аналогичном с гуруш Шуруппака², и образуют, таким образом, как бы посредствующее звено между гуруш времени документов из Шуруппака и эпохи третьей династии Ура. Несомненно, в значении членов родов, возглавлявших земельные общины, употребляется термин «гуруш» («каль») и в известной надписи обелиска Маништусу³. Из всего этого можно заключить, что и в гуруш эпохи третьей династии Ура (учитывая эволюцию этого термина в связи с растущей зависимостью труда), в основном, по крайней мере, следует также видеть прежде всего людей, принадлежавших к местному населению данного города⁴.

русских слов, имеющих общий корень, по в то же время различных по своему значению: дворянин, дворник, дворецкий, однодворец, дворянка, дворянка. Все эти примеры, однако, неприменимы к данному случаю прежде всего потому, что в отличие от термина «гуруш» они представляют собой не самостоятельные, а производные слова, сводимые к слову «двор» в двух его значениях—в значении комплекса жилых и иных построек одного хозяйства и в значении царского двора; а в таком случае вопроса о том, какое из этих двух значений является первоначальным и истинным, не приходится даже и ставить, поскольку ответ не может подлежать сомнению.

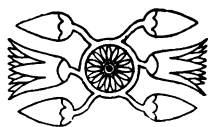
¹ См. В. В. Струве, Рабство в древнейшем Сумире, стр. 15.

² Относительно шублугаль см. мою статью «Хозяйственный персонал храма Бау в Лагаше времени Урукагины», ВДИ, 1948, № 1.

³ См. мою статью «О формах отношений по надписи Маништусу», ВДИ, 1946, № 4.

⁴ Кстати, здесь можно отметить, что и термин «думу» («сын») в документах времени третьей династии Ура употребляется для обозначения не сыновей данных реальных лиц (как можно думать на основании Genouillac, Textes économiques d'Oumma, Paris, 1922, № 5675; ср. акад. В. В. Струве, назв. статья, стр. 734), но также в своем первоначальном (возрастном) значении младших работников, работников половинной силы. Это видно из документов 5674 и 5676 того же издания Женульяка, аналогичных № 5675, но, в отличие от этого последнего, содержащих поименные списки работников данных партий. В № 5674 указаны особыми группами имена работников полной и работников половинной силы, причем последняя группа подытожена как «сыновья» *dumu šu-me* (11, 29). Еще показательнее документ под № 5676. Здесь в начале (как и в № 5675) дано общее число: 410 пахарей с их сыновьями (10 *guruš engar dumu-ni*), далее следуют поименные списки рабочих полной силы, обозначаемых как *ug-il-me*, и работников половинной силы (*dumu šu-me*). Из этих поименных списков видно, что в числе 10 *guruš engar* входят шесть рабочих полной силы и восемь рабочих половинной силы («сыновей»). Складывая всю рабочую силу этих людей, получаем $6 + (8 \times \frac{1}{2}) = 10$. Таким же образом, очевидно, следует расшифровывать и общее число 24 пахарей с их сыновьями документа 5675, различая среди них работников полной и половинной силы. Наконец, в одном документе Дрехемского архива (L. Legrain, Le temps des rois d'Ur, Paris, 1912, № 378, стр. 90 и таблица XLVII) при расчете рабочей силы, использованной на полевой работе, термин «думу» также применяется именно в отношении работников меньшей силы. Приведу этот документ в переводе: ¹ 11 «взрослых» («гуруш») наемных людей, ² вскапывать землю по 5 сар., ³ 3 «взрослых» — по 5 сар., ⁴ 6 «сыновей» («думу-думу-ла») —

Проф. И. М. Дьяконов полагает, что, «если мы будем придавать термину «гуруш» социальное значение («раб», «общинник»), мы попадем в сеть неразрешимых противоречий». Напротив, та действительная «сеть неразрешимых противоречий», какую представляет факт применения этого термина в самых различных, иногда противоположных случаях, может быть разрешена лишь с признанием указанного его первоначального значения и применения. В самом деле, как можно объяснить, что один и тот же термин одновременно служит для обозначения и полубога-героя Гильгамеша, и могущественного царя, и сильного (по общественному положению) человека (судебник Хаммураби), и рядовых воинов, и, наконец, зависимых влачивших жалкое существование работников. Ведь не настолько же беден был шумерский язык, чтобы в нем не нашлось специальных терминов для обозначения всех этих столь различных представлений и социальных категорий. Все эти противоречия еще можно было бы объяснить, если бы речь шла о прилагательном, служащем для определения качества независимо от характера объекта, к которому оно относится (например, сильный царь, сильный воин, сильный работник), но не о термине, соответствующем определенному понятию, определенному представлению¹. Вся эта «сеть неразрешимых противоречий», наблюдающаяся в применении термина «гуруш» («каль»), становится легко объяснимой, если отнести возникновение этого термина к той первобытной эпохе, когда человеческому мышлению были еще чужды такие отвлеченные понятия, как понятие силы², но существовало конкретное представление о взрослых, находившихся в полном расцвете сил, членах родовой общины. Именно эти «взрослые» образовали одновременно основную—и рабочую и военную—силу общины, именно они в одно и то же время были и главными добытчиками и защитниками, воинами-героями. Само буквальное и изначальное значение термина «гуруш»—«взрослый» (сильный лишь по отношению к детям и старикам, а не в значении особой, сверхобычной силы) в отношении определенных общественных категорий применимо только в данном случае и, следовательно, должно быть отнесено к стадии, когда возрастное деление общества имело характер социального деления. Сохраняя отчасти это значение и в позднейших хозяйственных документах (гуруш—взрослый работник, работник полной силы), термин этот в других случаях своего применения, например в отношении царя или героя-полубога, в его первоначальном значении представлял бы совершенный *ponsens* и предполагает позднейшее его переосмысление.

по 3½ сар., ⁵ 10 «сыновей»—по 3 сар., ⁶ 7 «сыновей»—по 2 сара. Далее указываются размер и название поля, имя ответственного энгара и дата (4-й г. Пурсина). Очевидно, ни о каком родстве и ни о каких семейных отношениях и в данном случае не может быть и речи, и термин «думу» употреблен и здесь в своем первоначальном (возрастном) значении.

¹ В то же время в данном случае мы имеем дело с единым основным термином, а не с производными словами, см. выше, примечание 2 на стр. 34.

² С предположением акад. В. В. Струве (назв. статья, стр. 736), что термин «гуруш» стал применяться к работникам в эпоху третьей династии Ура в связи с возникновением понятия рабочей силы, нельзя согласиться хотя бы уже потому, что термин этот в том же применении употребляется еще в древнейших текстах из Шуруппака (Фары), когда хозяйственная отчетность далеко не получила еще такого развития, как в эпоху третьей династии Ура. Для обозначения рабочей силы существовал специальный термин «á».